

Новая Польша 4/2006

0: МУДРЕЦ, ОБРАЩЕННЫЙ К СОЛНЦУ

Solaris (лат.) — солнечный; обращенный к Солнцу

И смерть пребудет бессильна.

На ветру, под знаком белой Луны,

Встанут мертвые, чтобы — быть среди нас.

Пусть наги они, пусть их кости — прах,

Но сиянье звезд в них узрит любой,

Сойдут с ума — но их разум здрав,

Океан их поглотит — встанут со дна,

Со смертью любимых — не сгинет любовь,

И смерть пребудет бессильна.

*Из стихотворения Д.Томаса «Solaris
Поет»*

Станислав Лем, выдающийся польский писатель, родился 12 сентября 1921 г. во Львове и скончался 27 марта 2006 г. в Кракове. Его книги напечатаны общим тиражом 27 млн. экземпляров на 41 языке. Эти данные будут приведены во всех будущих энциклопедиях (я уже вижу, как смеется пан Станислав, считавший, что забывается решительно всё и хорошо еще, если внуки будут нас помнить. А в качестве примера приводил... Гитлера). Так вот, в одном из интервью Лем с гордостью заявил: «Кстати, у вас в России знают, что я — философ? В Германии уже лет пять, как знают». А в другом: «Между прочим, в немецкой энциклопедии написано коротко и ясно, что я — философ».

Как это понимать? Во-первых, он стремился ставить такие вопросы (и находить на них ответы, в отличие от просто писателей), на которые в свое время отвечали философы и мудрецы. «Ребе, у тебя мало времени, и у меня мало времени. Скажи, как жить?»

Практически все придуманные Лемом миры и футурологические предсказания маскировали строго и кратко поставленные философские вопросы. Эти маски стали способом, который позволил ему быть услышанным «в наш жестокий век» и показать, что никакие внешние обстоятельства не меняют сути человека и стоящих перед ним проблем. А еще Лем без усталости предлагал, как эту суть можно улучшить.

С этим его стремлением улучшить человеческую породу порой происходили недоразумения: слишком уж это напоминало устремления коммунистов. Известно письмо, адресованное в 1974 г. в ФБР одним из лучших американских фантастов (и единственным среди фантастов, которого ценил Лем) Филипом К. Диком. Дик предостерегал, что американскую фантастику пытается взять под контроль известный коммунистический партийный функционер из Кракова, некто Лем, который «по всей вероятности, является скорее целой организацией, нежели одним человеком, поскольку он пишет несколькими различными стилями и иногда понимает иностранные языки, а иногда — нет». А на сайте КППРФ я недавно обнаружил исследование, автор которого утверждал, что «лучше всего описал модель коммунизма Станислав Лем в книге «Возвращение со звезд»». А это одна из самых страшных и горьких антиутопий Лема, где ставится вопрос о том, что для человека важнее: свобода или мир и благополучие.

Может, именно эта двусмысленность и сбивала с толку советскую цензуру? Во всяком случае, сам Лем признавался, что огромные тиражи его книг в СССР весьма способствовали судьбе его книг в Польше.

А его приезды в Москву... Сам Лем вспоминал: «Как только я появлялся в Москве, ученые отбивали меня у литераторов. В результате я не познакомился ни с одним писателем, за исключением братьев Стругацких, а только с одними физиками, астрофизиками, кибернетиками. Однажды меня пригласили в Институт физики высоких температур, куда нужно было иметь специальный пропуск, на что-то вроде лекции для сотрудников. Когда я надевал пальто, кто-то вложил мне в карман записку «Этому человеку вы можете полностью доверять». А человек сказал мне: «Пожалуйста, выйдите из вашей гостиницы «Пекин» в девять вечера и стойте на углу». Приказ есть приказ: вышел я из гостиницы, подъехал «Запорожец», уже с пассажирами. Я уселся кому-то на колени, и мы тронулись. По дороге я оглядывался, не едут ли за нами кагэбешники, но все обошлось. Мы ехали по каким-то темным переулкам, поднялись по темным лестницам, двери отворились — и я оказался перед «сливками общества» советских ученых. Садимся за стол, и тут мне объявляют: «Здесь можно говорить все!» — «Ну, раз все, — отвечаю, — то ответьте мне на такой вопрос: есть у меня идея книжки о таком суперкомпьютере, который читал бы лекции о человечестве и его судьбах. Есть в этом смысл?» — «Ну, конечно», — отвечают, и начали так меня подначивать, что вскоре после возвращения в Польшу я написал «Голема»».

Прошу прощения, но здесь я вынужден добавить несколько слов от себя. Дело в том, что все библиографии произведений Лема дружно сообщают, что повесть «Голем XIV» (которую Лем, по его собственному признанию, особенно любил) была впервые издана в Польше в 1981 году. Я имел счастье познакомиться с паном Станиславом задолго до описанного им случая, будучи совсем еще «зеленым» студентом физфака МГУ. На факультете действовал так называемый «Студенческий клуб физиков», и я занимался тем, что приглашал туда разных интересных людей. Лем пришел на встречу, и после этого я виделся с ним еще несколько раз. На гения по внешнему виду он не тянул (не Ландау!), но говорить с ним, пожалуй, было интереснее, и чувство юмора у него было необыкновенное. Так вот, «Голем» — единственная вещь Лема, над переводом которой я работал, — был издан в СССР издательством «Знание» раньше, в 1980 г. (в 23-м выпуске серии «Научная фантастика»). И что самое смешное, я совершенно не помню, с какого текста делался перевод. Загадка, как говорил пан Станислав, природы — и обязательно вспоминал при этом советский журнал «Природа», который выписывал и весьма ценил.

Но я отвлекся. Так почему же Лем был так популярен в соцлагере, и особенно в СССР? Лучше всего на это вопрос, по-моему, ответила М. Чудакова:

«Лем удовлетворял больше чем потребность — жажду. Советские читатели сталкивались в его фантазиях со свободой человеческой мысли, объединявшей и героев, и авторов, с демонстрацией ее мощи, тогда как в тогдашней публичной (не на кухне) жизни мощь мысли не существовала как ценность (предполагалось, что за нас думает партия).

Лем напоминал нам каждой страницей: «Cogito ergo sum!» Да, он помогал нам существовать, напоминая, что мы мыслим, мыслим, должны, по крайней мере, мыслить! И потом — непрерывная демонстрация логического аппарата — в стране, где подавление способности к логическому мышлению было одной из важнейших, хотя никогда не эксплицированных, задач мощного аппарата советской пропаганды» («Станислав Лем в умах и сердцах жителей исчезнувшей страны»).

Это глубокое наблюдение можно дополнить еще одним фактом: у Лема всегда разум побеждает грубую силу (даже в такой, казалось бы, безобидной сказке, как «Кибериада»).

То же самое М. Чудакова пишет о Стругацких: «В романе «Улитка на склоне» (1965) ярко обозначилась корневая суть творчества братьев Стругацких: глубочайшее разочарование в самом человеке, не желающем измениться внутренне, преодолеть на пути к лучшему будущему прежде всего себя. (...) В тогдашней печатной жизни не было ни экономической, ни социологической, ни исторической, ни философской, ни политологической мысли. В книгах братьев Стругацких читатели искали ответы на те вопросы, которые они должны бы задать профессионалам всех этих наук». Но подлинных профессионалов — не было. Мудрецов — не было. И философов тоже. Именно поэтому Лем так гордился, что немцы его признали философом (он вообще считал, что в Германии он более популярен, чем в Польше).

А популярность Лема в Америке (помимо чисто писательской) оказалась наиболее достойной его выдающегося интеллекта. В антологии известных специалистов по когнитивным наукам Д. Хофштадтера и Д. Беннета «The Mind's I» (1981) были собраны работы, которые стали, по мнению авторов, основополагающими для развития этих наук, для решения проблемы искусственного интеллекта. Из 27 работ три принадлежат Лему (и все три были опубликованы ранее в качестве художественных произведений!). С тех пор Лем стал мировым классиком этого научного направления. В качестве основного инструмента своих исследований он использовал так называемый «мысленный эксперимент», вполне законным образом использующийся также в физике («парадокс близнецов» в теории относительности, «кошка Бора» в квантовой механике и др.).

Хотя, надо сказать, он гораздо больше гордился тем, что предвидел (в «Сумме технологий») возникновение этих новых наук и даже дал им замечательные названия: «интеллекtronика» и «фантоматика» (которая стала теперь называться «виртуальной реальностью»).

Лем верил, что человек неспособен измениться сам, что люди в массе своей глупы и злы, что «зло возникает из глупости, а глупость питается злом». «Никто ничего не читает, — говорил Лем, — а если читает, то не понимает, а если даже понимает, то ничего не помнит». Он считал, что автоэволюция вида «*homo sapiens*» будет проходить в несколько этапов: один из первых, уже начавшийся, — это так называемая консервативная техника, т.е. пересадка органов и протезирование, а сущность второго этапа состоит в реализации биотехнологической программы-максимум, то есть в формировании все более совершенных типов человека. «Голем XIV» завершается следующими словами суперкомпьютера: «Дело в том, что не существует Разума, если существуют разумы различной мощности, и, чтобы выйти за свои пределы, как я уже говорил, человек разумный будет вынужден либо отвергнуть человека естественного, либо отречься от своего разума. (...) Я думаю, что вы вступите в век метаморфозы, что решитесь отбросить всю свою историю, всё наследие, все остатки природной человечности, образ которой, многократно увеличенный до размеров прекрасного трагизма, сосредоточивают зеркала ваших вер. Я утверждаю, что вы выйдете за эти пределы, ибо иного выхода нет. И в том, что сейчас вам кажется лишь прыжком в бездну, вы усмотрите вызов, если не красоту, и все же поступите по-своему — ибо, отринув человека, спасется Человек».

Не существует Разума, если существуют разумы различной мощности... Понятно, что, придерживаясь этой концепции, Лем не мог не быть атеистом. «У меня свои убеждения. После моей смерти со мной будет в точности то же самое, что было перед моим рождением. То есть попросту ничего. И это для меня — обещание счастья. В определенном смысле, потому что ничего не ощущать — это намного приятнее, чем быть старым, больным, немощным». Это мог бы написать Эпикур.

Но вот что отвечает на это высказывание анонимный польский читатель Лема: «Вы для меня — абсолютный авторитет. Если Вы утверждаете, что Бога нет, то Его, наверное, и вправду нет. Но мы должны поступать так, как будто Он есть. Желаю Вам доброго здоровья».

К концу жизни Лем писал уже только короткие статьи и вел колонку в католическом еженедельнике «Тыгодник повсехний» (еще один из столь свойственных ему парадоксов). Характер у него всегда был не сахар, а в последние годы его брюзжание приобретало даже своего рода обаятельность.

«Лететь на Марс? А зачем? Воздуха нет, кислорода нет, воды нет, холод жуткий. Один красный песок. Что можно построить на Марсе? Только ГУЛАГ».

«Привязан ли я к Кракову? Привязан в том же смысле, в каком привязан к этому креслу, так как сидеть на полу было бы неудобно. Я здесь оказался случайно. Я родом из Львова и львовянином останусь. Здесь остановились мои родители, а я не мог решать, где оставаться, а где — нет. Нет, ничего у меня общего с Краковом нету, и я не испытываю особых чувств по отношению к этому городу».

«Похоже на то, что «высокая» или попросту традиционная культура будет вытесняться в катакомбы. Я сейчас читаю Пушкина — потому что очень его люблю. «Избранное» Пушкина в Советском Союзе стоило копейки, а тираж был — 250 тысяч экземпляров. Где теперь такие тиражи?»

«Я получил от Ежи Помяновского первый номер «Новой Польши», журнала о Польше для русских. Такой журнал был нужен, но его название навело меня на неприятную мысль, что русские еще не до конца отучились говорить не только «наша Киргизия», но и «наша Польша». К сожалению, пока все попытки объяснить русским, что они у нас натворили, отскакивают от них, как от стенки. Мы всегда слышим одно и то же: «Что значат ваши двадцать тысяч офицеров, убитых в Катини и других местах в России, да и весь ваш восточный фронт вместе с пограничным корпусом, раздавленный советскими танками, по сравнению с нашими потерями!» Подобного рода подсчеты и сравнения я считаю непростительным грехом по отношению к человеческой морали. Не все можно простить и забыть: разумеется, со многими вещами мы должны смириться, но насилие всегда остается насилием».

А что же русские? Пусть скажут сами.

28 марта 2006 г., отвечая на просьбу польской корреспондентки дать в газету несколько слов в связи со смертью Лема, которого он лично знал, Борис Стругацкий сказал: «Нет ни одного писателя, который обладал столь поразительной способностью создавать фантастические миры. Это потеря для всей мировой литературы. Человек и писатель огромного интеллекта, титанической эрудиции и абсолютно невероятной силы воображения».

Мы расстаемся с ним так, как расставались бы с целой эпохой. Это утрата не только для Польши, но и для России. У нас Лема любили так, как если бы он был нашим, русским писателем. И я думаю, что его почитателей в России, если говорить об абсолютных цифрах, даже больше, чем в Польше. Горько думать, что мы уже не будем ждать его новых книг, хотя, зная его, я подозреваю, что наверняка остались какие-то его неопубликованные произведения».

А анонимный польский читатель Лема, может быть, и не знавший его лично, но больше любивший, написал: «Остались его тексты. И память. И то, и другое недолговечно. Лем писал, что мы — лишь мгновение на часах эволюции. Он ушел от нас, но его произведения остались. Я надеюсь, что, как он и говорил раньше, ящики его письменного стола действительно пусты. Просто ужасно, чт&